

Юнусов Шевкет Эльвисович, кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской филологии Таврической академии (структурное подразделение) КФУ имени В.И.Вернадского, г. Симферополь, Россия

e-mail: schew.yunusoff2010@yandex.ua

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ 30-х гг. XX ВЕКА

Аннотация: в статье акцентируются вопросы содержательно-формальной структуры, проблематики, эстетической нагрузки крымскотатарской литературы 30-х гг. XX века, а также вопросы ответственности писателя перед историческим временем и обществом.

Ключевые слова: фольклор, концепция, эпоха, стиль, идеология, ретардация.

Yunusov Shevket Elvisovich - Candidate of Philology, Associate Professor Head of the Crimean Tatar linguistics Tauride National V.I. Vernadsky University

e-mail: schew.yunusoff2010@yandex.ua

TO THE QUESTION ABOUT THE SPECIFICS CRIMEAN TATAR LITERATURE OF THE 30-ies of XX CENTURY

Abstract: the article focuses on the issues of content-formal structure, problems, aesthetic load of the Crimean Tatar literature of the 30s of the XX century, as well as the issues of the writer's responsibility to historical times and society.

Key words: folklore, concept, epoch, style, ideology, retardation.

Актуальность работы. В течение постсоветского периода крымскотатарская художественная литература 30-х гг. XX века так и не стала объектом серьёзного комплексного изучения. Имеющиеся же на сегодня литературоведческие материалы [1, 2, 3, 4] не отражают полноту картины её развития, ввиду чего на повестку дня выдвигается вопрос о необходимости активизации работы в этом направлении.

На сегодня наиболее систематизировано изучение литературных процессов конца XIX – первой четверти XX вв., где вопросы литературных традиций, своеобразия художественного наследия писателей, развития литературно-критической мысли и др. рассмотрены наиболее глубоко. Наряду с этим в последнее время получило импульс изучение крымскотатарской литературы Средневекового периода. Однако образовавшаяся брешь в области исследования литературы 30-х гг. предыдущего столетия вызвана, видимо, тем, что, с одной стороны, в художественной продукции этой поры существенную роль играла её идеологическая зашоренность, что естественным образом сказывалось на дистанцировании литературы от народа и «неспособности» передать национальное миропонимание, а с другой, – количественная и качественная ограниченность литературоведческих сил, образовавшаяся в силу социально-политических процессов в стране.

Как известно, применяемое к этому периоду понятие «вульгарный социологизм» наиболее полно отражает её содержательно-формальную специфику. Иными словами, отрицание роли художественной формы и её естественной подчинённости содержанию определяют некоторые особенности литературы рассматриваемого периода. Сыграло свою роль и то, что люди, видевшие свою «задачу в активной демонстрации личной преданности партии» (Айдер Осман), не чурались доноительства, клеветы на видных представителей пера старшего поколения, возвышения авторов бездарных произведений. Такая ситуация естественным образом приводила к отрыву от этнонациональных корней. Поэтому при исследовании специфики литературы 30-х гг. XX века необходимо несколько дифференцировать политическую

составляющую и собственно содержательно-формальные особенности, проблематику конкретных произведений (хотя, понятно, что для литературы рассматриваемого периода партийные установки были определяющими).

Как известно, литературный процесс 30-х был представлен именами таких писателей, как Умер Ипчи, Джафер Гафар, Эшреф Шемьи-заде, Юсуф

Болат, Шамиль Алядин, Эннан Алимов, Ыргат Кадыр, Раим Тынчеров, Мамут Дибег, Джемиль Сейдамет, Осман Амит, Абдулла Дерменджи, Ибраим Бахшыш и др. На творчестве отдельных из них сказалась кампания, направленная на ревизию языка, результатом чего стало появление произведений, в которых лексемы, вошедшие из восточных языков (и не только), активно заменялись их русскоязычными эквивалентами. Так, возникли поэма Эшрефа Шемьи-заде «Днепрлыстан», Ыргата Кадыра «Исмаил» и др. Если первая, которой присущ широкий план и философская нагрузка, пестрила заимствованиями и строительной терминологией, сложностью стилевых приёмов, то вторая оказалась произведением весьма слабым в формальном отношении, поскольку автор, используя несколько неудачных слов, напрочь лишил свою поэму образной силы.

Несколько иная картина предстает при обращении к прозе. Она под влиянием фольклорных традиций, о необходимости учёта которых говорил М. Горький, порою приобретала черты зрелой литературы. Например, Эннан Алимов в рассказе «Горлица машет крылом» в единой композиции сумел связать реальное с тем, что увидел герой во сне: урывчатые детские воспоминания и современные события в конце концов заканчиваются тем, что побеждает новая политическая идеология – на пиджаке девочки, дрожавшей под дождём (Гулизар), теперь красуется депутатский значок [6, с. 194]. Как явствует, талант писателя и талант художника в лице Э. Алимова позволили автору соединить два направления искусства, что было новаторством в крымскотатарской литературе рассматриваемого периода.

...Джафер Гафар – автор рассказов «Партизан Муратчыкъ» («Партизан Муратик»), «Азманлар» («Трутни») и повести «Гьорт-гьорт тутулды» («Горт-

горт обнаружен») – обладатель удачного опыта создания замысловатых, в чём-то даже новеллистических сюжетов. Этот прозаик, используя внутреннее лексическое богатство языка, иногда умеет удивить нас – удачно подобранные синтаксические конструкции и слова придают произведениям неповторимый колорит. Такой подход презентует Джафера Гафара не как подражателя кому-

либо, а как мастера слова, идущего своей художественной стезёй. Эта мысль особенно характерна для повести «Трутни», в которой события то и дело переkreщаются. Смысл слова «кулак», сказанного героем повести Абдурефи в начале повествования, раскрывается на протяжении всей композиции. Писатель уверен: в этом мире «ничто не исчезает бесследно». Одним из таких «следов» в повести является Абляз – сын убитого Меджита. Вопреки тому, что этот персонаж в повести представлен эпизодично, он, тем не менее, играет большую роль в раскрытии концепции произведения – Абляз возвращается в село с целью отмщения за убийство своего отца. Даже не участвуя в задержании врагов новой власти, он подготавливает почву для их поимки. Герои же второго ряда (Джеват и его односельчане) помогают ему, быть может, не ведая об этом.

Композиционной особенностью рассматриваемой повести является тот факт, что здесь традиционная сюжетная последовательность предстаёт несколько перестроенной, поскольку её экспозиционная часть оказывается в финале повести...

Рассказы Юсуфа Болати «Пастух без овец», «Стадо овец, попавшее в бурю», пьеса «Девушка Арзы» побуждают читателя задуматься о смысле жизни. Если из первого рассказа вытекает вывод о неминуемости наказания за необдуманный поступок, то во втором произведении налицо концепция автора о благородной реакции человека искусства – Ивана Айвазовского на действия своего пастуха Асана, предавшегося игре на свирели и не заметившего гибели пяти ста баранов, за что вместо ожидаемого наказания получил... деньги и предложение и дальше работать чабаном у художника. Вдобавок к этому Айвазовский нарисовал эпизод, где овцы «ожили» в момент падения в

пропасть. Реализовать этот авторский замысел помогает приём ретардации, запечатлённый в отношениях хозяина и чабана...

В произведении интересны повествовательные вкрапления, поданные в виде обращения к читателю: «А вы знаете чабана Асана? Если нет, то слушайте», или «А что оставалось делать Асану?», или же «Вы знаете о

Карабий яйле? Если не знаете, то послушайте». Несколько сказочный стиль такого заочного диалога с читателем увлекает последнего своим стержневым вопросом: каков будет финал истории, связанной с Асаном? А финал, как мы отметили выше, весьма неожиданный.

В пьесе же «Девушка Арзы» автор, творчески переработав известный фольклорный сюжет, присовокупил к ней настроения 30-х годов, сохранив при этом фольклорные особенности и персонажей произведения. Практику переработки исторического материала в своё время помимо Юсуфа Болат предприняли Умер Ипчи и Ибраим Бахшыш. Такое обращение к прошлому Юсуф Болат продолжит и чуть позже в романе «Алим», первый том которого будет опубликован в журнале «Совет эдебияты» («Советская литература») в 1940-1941 годах.

Развивая обозначенную тему, отметим, что очерк Умера Ипчи «Бахчисарай» (1931) [5] ознаменовал новое явление в крымскотатарской литературе. Новаторство писателя состоит в том, что в этом произведении представлен облик города времён Исмаила Гаспринского. Перед глазами читателя оживают мастерские ремесленников, зазывания базарных торговцев, кофейни (которых только в городе насчитывалось 65 точек), новометодные школы, вузы... Примечателен финал очерка: сетования по поводу матерей, которые так и не сумели отойти от невежества, и растят себе же подобных дочерей и сыновей, демонстрируют авторскую позицию в вопросе национального уклада жизни – очерк заканчивается риторическими словами: «Когда ударит час спасения Бахчисарая, час его возвращения к жизни?!!». Тут излишне говорить о цели писателя, который, находясь во власти эпохальных координат, пытается противопоставить прошлое и будущее города с его

традициями и устоями. Важно другое: Умер Ипчи с его трезвым взглядом на вещи не приемлет оторванности подрастающего поколения от реальной жизни. Прозаик призывает мыслить не стереотипами, но с учётом необходимости принятия серьёзных, порою государственных решений; призывает к социальной активности через познания и политическую гибкость, которая позволит не выпасть из «обоймы». Этот очерк как бы в унисон звучит с рассказом «Из воспоминаний о голоде» (1927) того же автора, где проблема человеческого характера в части расхождения слова с делом приобретает особую остроту. Во времена общественных катаклизмов (в данном случае, вызванных голодомором начала 20-х гг. прошлого века) каждый человек, по мнению автора, несёт ответственность как за себя, так и жизнь окружающих. Умер Ипчи сожалеет по поводу того, что люди легко могут разбрасываться обещаниями, и даже по прошествии времени, в течение которого это обещание могло бы быть реализовано, не воплощено в жизнь. А те, на кого рассчитывали, не испытывая угрызений совести, продолжают уверять общество в своей неординарности.

Сегодняшнее прочтение подавляющего большинства произведений тридцатых и, как следствие, «послевкусие», испытываемое читателем, наводят на мысль о её склонности к проявлению в границах одного и того же произведения уверенности в гуманистических перспективах политического строя, с одной стороны, и стремлению сохранить ментальный взгляд на вещи, с другой. Отрыв литературы от реальной жизни во многом ограничивал возможность писателей к художественным медитациям. Это было следствием унификации всей советской литературы. На этом фоне устремления отдельных художников слова сохранять и развивать положительный опыт предыдущих литературных эпох сегодня вызывают восхищение.

Результаты исследования. Крымскотатарскую словесность 30-х годов XX века характеризуют следующие положительные моменты:

– в условиях идеологической выверенности отдельные крымскотатарские писатели, особенно старшая их плеяда, получившая творческий опыт в

предшествующее десятилетие, продолжала как бы по инерции создавать художественные полотна, в которых во главу угла ставились общечеловеческие ценности, причём рассматривались они в этнонациональном контексте;

– наряду с попытками сознательного разрушения лексической и суффиксально-словообразовательной основы родного языка (Джемиль Сейдамет, Абдулла Дерменджи) отдельные писатели продолжали развивать художественные традиции и использовать её словарное богатство;

– новым явлением в прозе этого периода стало создание неповторимого образа старого города Бахчисарая (Умер Ипчи) и сочетание воображаемого и реального в трогательной новелле Эннана Алимова.

Как явствует, крымскотатарская литература 30-х гг. прошлого века вопреки партийным установкам имеет в своём арсенале достойные внимания произведения, в которых наряду с неотъемлемыми атрибутами эпохи – схематизмом и лозунговостью – наличествуют высокохудожественные творения. Важно учесть, что отдельные писатели проблему эстетического воздействия ставили превыше узкопартийных деклараций. Эти произведения должны стать объектом дальнейших исследований.

Список источников:

1. Алядин Ш. Юксек хызмет / Алядин Ш. Ташкент, 1983. 208 с.
2. Керимов И. Теренлик / И. Керимов. Ташкент, 1988. 144 с.
3. Юнусов Ш.Э. Дагъдан кельген багъдакини къувар / Ш. Юнусов // Йылдыз, 2000. № 6. С. 135–141.
4. Нагаев С. Девир аралыкъларында / С. Нагаев. Симферополь, 2008. 320 с.
5. Керимов И.А. Къырымтатар эдебияты (къулламанма дерслик) / И. Керимов – Симферополь, 1995. С. 227–236.
6. Панова З.С. Развитие жанра рассказа в крымскотатарской литературе 30-х гг. XX века (на примере рассказа Э. Алимова «Горлица машет крылом») / Зенуре Панова // Учёные записки ТНУ, 2013. Т. 26 (65). № 1. Ч. 1. С. 192–197.